

**А.А. Болтаевский,
И.П. Прядко**

Болезни урбанизма: прошлое и настоящее

В работе дается оценка одной из древнейших форм девиации — проституции. Анализируются ее исторические формы, в частности, показана связь семейной проституции в традиционном обществе с этическими представлениями, понятием долга, ответственности низов общества перед властью имущими. Новизна подхода состоит в анализе болезней цивилизации под углом зрения социокультурной динамики: показаны изменения отношения к девиации на Древнем Востоке, в Средние века, Новое время, в России.

Ключевые слова: проституция; девиация; болезни цивилизации; социальная работа; ресоциализация; аномия.

Явление, о котором авторы будут говорить, уже неоднократно становилось предметом самого пристального, детального и всестороннего анализа. Однако исследователям не всегда удавалось отказать от предвзятых оценок этого вида девиации, причем высказывались суждения полярного противоположного характера.

Более того, и сегодня не прекращаются попытки расширить область применения данного понятия. Так, в наше десятилетие был реанимирован термин «политическая проституция». В последнем случае мы имеем дело с метафорой, имеющей оттенок гиперболы. К ней прибегли авторы СМИ для того, чтобы оттенить конъюнктурность позиции некоторых недалёковидных представителей мира политики. Для уточнения смысла термина «проституция» необходимо обращение к историческому контексту, что и будет сделано в настоящей статье.

Без такого обращения обсуждаемое понятие становится пустой идеологемой, не имеющей фиксированного смысла. Если неопределенность идеологемного дискурса проистекает из смысловой противоречивости, то в действие вступает парадокс материальной импликации, в соответствии с которым «из лжи следует все, что угодно». Если неопределенность возникает из-за того, что понятие не имеет смысла, то здесь реализуется идеологема «*всеобщей значимости*», в соответствии с которой «любому грамматически правильно выраженному можно придать некий смысл, построив для него подходящий языковый или ситуативный контекст» [1: с. 45]. А обсуждаемое явление такой ситуативный контекст предоставляет, как мы увидим ниже, весьма часто.

Идеологемный смысл понятия «проституция» дополняется многообразием эпитетов, которыми наделяются представительницы данной сферы деятельности:

путаны, дамы полусвета, ночные бабочки, «куртизанки», кокетки... И это при том, что люди, занимающиеся политической проституцией, не ведут ночного образа жизни, не носят туфель на каблуках, а носят пиджаки и бороды... Редьярд Киплинг назвал проституцию древнейшей профессией, сформировав устойчивую мифологию, сохранившуюся до наших дней. Однако очевидна связь неполитической проституции с развитием товарно-денежных отношений, с разделением общественного труда.

В силу гетерогенности явлений, обозначаемых термином «проституция», в отношении одних из них в обществе велась беспощадная борьба, а в отношении других — очевидно стремление так или иначе их узаконить. В условиях современной России девиантное поведение сделалось едва ли не нормой (начало этому было положено массовым обсуждением в годы перестройки таких тем, как аборты, проституция и т. д. Именно поэтому все чаще раздаются требования легализовать проституцию, ввести ее в некоторые законные рамки, придать тем, кто ею занимается, официальный статус [11].

Актуальность данной проблемы заставляет обратиться к историческому опыту взаимоотношений общества и представительниц данного вида ремесла. Древнейшими формами подобного вида девиации являются храмовая (религиозная) и гостевая (семейная) проституция. Первая из них встречалась в древности в Вавилоне, Персии, Греции, у индусов и у многих других древних этносов. По хронологическому критерию она делится на два вида:

– однократную проституцию в честь какого-либо божества, роль которого выполнял специально переодетый актер: античные авторы сообщали, что в Передней Азии «каждая женщина в стране должна раз в жизни сесть у храма Афродиты [так античный писатель называет богиню Милитту] и отдаться любому из чужестранцев»;

– и постоянную ее форму (в Персии храмовые жрицы до конца жизни «служили своим телом» богине Анаитис) [2].

Что касается семейной формы, то ее пережитки сохранялись еще долгое время. Даже в середине XIX века «на севере России хозяин, отдавая в наем квартиру, предлагает жильцу свою супругу или дочь, увеличивая, разумеется, при этом и квартирную плату» [19: с. 253]. В XX веке подобный порядок вещей сохранялся у хантов и, по личному наблюдению одного из авторов данной статьи, у тунгусов.

Следует упомянуть еще об одной разновидности семейной проституции — *долговой*. В средневековой Индии, когда крестьянин или бедный городской ремесленник одалживал денег на свадьбу дочери, залогом здесь нередко становилась сама невеста. Она должна была явиться в дом кредитора после брачной ночи и провести там несколько месяцев в качестве наложницы. А затем, когда она надоедала, ее отправляли на какой-нибудь лесоповал неподалеку, где она еще год-другой отрабатывала отцовский долг, занимаясь проституцией. После такой натуральной отработки она возвращалась к своему мужу и начинала благополучно жить

семейной жизнью. И этот порядок бедняки воспринимали как вполне справедливый! Более того, морально безнравственным считалось не выплачивать кредитору долг таким способом [2: с. 90].

Светская проституция возникает из противоречий, рожденных появлением моногамной семьи. Женщина подпадает под власть мужчины, заключается в тесные рамки своего мирка, а вот мужчина по-прежнему свободен. Афинский законодатель Солон в VI в. до н. э. пришел к выводу, что для защиты брака надо легализовать проституцию и стал покупать женщин для «общего пользования», фактически став первым известным организатором проституции. В первую очередь проституция расцветает в условиях городской среды: «Города с их интенсивной жизнью, густым и разнообразным по составу населением, с богатством рядом с бедностью и нищетой, представляют для склонного к преступлению человека более широкое поле деятельности и гораздо больший соблазн, чем сельские местности, где близость к природе, тихая и уединенная обстановка деревенской жизни узкий круг хозяйственных интересов предохраняют от тяжелых нравственных и материальных потрясений, толкающих на дорогу преступления» [3: с. 14].

В средневековой Европе муниципалитеты в городах фактически взяли проституцию под свой бдительный контроль, при этом число «дам полусвета» было весьма значительным: по данным переписи 1526 года, в Венеции из 55 035 жителей насчитывалось 4900 куртизанок. В отдельных странах средневековой Европы проституция имела характер и структуру цехового ремесла. Даже духовенство мирилось с существованием проституции. Публичные дома официально платили ренту епископам. Как отмечает немецкий исследователь Г. Глезер, «часто в одном и том же доме внизу находилась школа, а вверху — публичный дом» [18: с. 109].

Однако к середине XVI века ситуация меняется кардинально: эпидемии чумы, Реформация и Контрреформация как реакция Церкви на критику со стороны религиозных диссидентов и протестантов, называвших Рим Великой блудницей (*sic!*) и со стороны консервативной части прихожан и клира. Результат был ожидаем: большинство легальных домов терпимости, где куртизанки принимали клиентов, было закрыто. Во Франции, например, в 1560 году Орлеанский ордонанс запретил владение и управление притонами. Преследованию проституции способствовала Реформация, резко изменившая отношения к «жрицам любви»: в них стали видеть угрозу для порядочных женщин и семейной морали. Достаточно вспомнить слова Мартина Лютера о том, что проститутку «послал дьявол... чтобы погубить некоторых несчастных юношей» [8].

Естественно, что сами по себе представительницы данного вида нелегального ремесла никуда не исчезли, а лишь поменяли свой статус на нелегальный. А в XVIII веке угроза распространения венерических заболеваний вновь вызвала мысль о легализации данного явления: в 1798 году во Франции двум врачам поручили провести обследование всех парижских проституток. Так был намечен новый путь вынужденного признания обществом проституции,

однако теперь в защиту этого выдвигались естественнонаучные, а также медицинские соображения: в Европе установилась система врачебно-полицейского контроля.

В России дело обстояло по-другому. Начнем с того, что в допетровской Руси какие-либо легальные, да и нелегальные, заведения с проститутками фактически отсутствовали. Даже иностранцы от С. Герберштейна до А. Олеария свидетельствовали, что у русских «не устраиваются публичные дома с блудницами, от которых... власти получают известный доход» [10: с. 210].

Положение постепенно стало изменяться «в лучшую сторону» в петровскую эпоху, которая была ознаменована большим притоком в нашу страну не только иностранцев, но и западных нравов. К середине XVIII века проституция приобретает широкое распространение в Петербурге. Скандальную известность получило дело одной немки, по месту рождения получившей прозвище Дрезденша. Она снимала на Вознесенской улице хороший дом, где предлагала для увеселения «недурных и молодых девиц» [7: с. 55–56]. Активную борьбу карательными мерами с этим явлением вел мальтийский рыцарь на российском троне Павел Петрович, в частности, требовавший полковым командирам «непотребных не терпеть в лагере... смотреть и оных выгонять». А в 1800 году вышел указ, согласно которому «развратных женщин, какие есть и впредь сказываться будут, в обеих столицах, отсылать прямо на Иркутские фабрики» [9: с. 65].

Однако сходный с западноевропейскими странами процесс распространения венерических заболеваний вызвал тревогу у российских властей, что стало причиной введения в 1843 году режима регламентации и создание врачебно-полицейских комитетов (ВПК). Основной их задачей должны были стать розыск и привлечение к надзору женщин, занимающихся развратом, а также наблюдать за их явками на медицинские осмотры. Свое окончательное устройство ВПК получили только в первый год правления императора-освободителя, а именно в 1856 году, но еще долго их деятельность была фактически парализована отсутствием реального надзора за проституцией за пределами столицы.

Освободив Россию от крепостной зависимости, Александр II не смог ее освободить от этой социальной болезни. Однако именно в 1860-е годы начался процесс регламентации данной «отрасли» теневого досуга. Индустриальное общество интенсифицировало непосильный труд этих женщин. Все проститутки в императорской России стали делиться на «билетных» и «бланковых». У «билетных» (у которых вместо паспорта был «желтый билет») фактически не было личной жизни: ночью они работали, днем спали. «Бланковые» же были свободными в своем графике, но в отсутствии клиентов должны были искать их и днем, и ночью.

Стоит сопоставить положение вещей, связанных с данным видом девиантного поведения в индустриальную эпоху, с тем, как развивались формы социального взаимодействия, *очень похожие на проституцию*, в эпоху феодальную. Исследователей неоднократно привлекало внимание наличие крепостных гаремов у некоторых представителей российской феодальной аристократии. В общем ряду

выделялось заведение у князя Б.Н. Юсупова, который называл себя «магометанином» (на гербе князей Юсуповых красовались египетские пирамиды и нильский крокодил) и содержал при себе гарем крепостных девушек. Следует сказать, что полутатарин-феодал не только обеспечивал своих русских наложниц всем необходимым, но и нанимал для них преподавателей. Женщины в заведениях Юсупова обучались грамоте, французскому языку, танцам, вокалу, их учили разбираться в искусствах. Таковы были причуды земельной аристократии начала позапрошлого века. Но вернемся к отечественной проституции эпохи становления бездушной власти капитала.

Как вид городской девиации оценивал распространение этого социального недуга отечественный историк и социальный мыслитель казанский профессор Н.А. Васильев. В работе «Вопрос о падении Западной Римской империи в историографической литературе и истории философии в свете теории истощения народов и человечества» он приходит к выводу: *обречены те цивилизации, где город доминирует над деревней*. Победа города над деревней в индустриальную эпоху означала победу техники, созданной человеком, над ним самим. Создав город, человечество — так думал Васильев — создало своего рода инструмент для самоистребления. Социальный мыслитель напоминает, что в городах чрезвычайно высок процент самоубийств, растет преступность, проституция, неизбежными спутниками городской жизни стали наркомания и алкоголизм [4]. Отметим в данной связи, что приблизительно в то же время, когда Васильев подверг анализу социальные процессы, протекающие в современном обществе, к проблемам девиантного поведения в городе обратился видный представитель социологической мысли Запада Э. Дюркгейм.

Французы считают, что «в России всегда оправдывают преступников — их называют несчастными». Неудивительно, что общественное мнение считало необходимым оказывать помощь для реабилитации «падших женщин»: в России благотворительные заведения впервые были открыты в Киеве в 1860-е годы при поддержке княгини А.А. Васильчиковой, супруги тогдашнего киевского генерал-губернатора, а с 1862 года в Санкт-Петербурге при печально известной Калинкинской больнице действовал приют, устроенной графиней Е.К. Ламберт на средства московского купечества.

Даже некоторые мыслители и публицисты вынуждены были мириться с данным социальным явлением, понимая его неизбежность (здесь у них возникали новозаветные аллюзии). Вот и Василий Васильевич Розанов в своем «Втором коробе» «Опавших листьев» присоединяется к всеобщему хору, говорит об некоем «онтологическом» небытии представительниц этой профессии: «Несмотря на важность проституции, однако в каком-то отношении, мне не ясном, — они (проститутки. — А. Б., И. П.) суть действительно “погибшие создания”, как бы погаснувшие души. Их суть действительно — ‘небытие’; ‘не существуют’, а только кажется, что они ‘есть’» [14: с. 282]. Боготворимый Розановым Ф.М. Достоевский хорошо знал представительниц социального дна, выводил их в качестве героинь своих романов.

26 июня 1866 года в Москве на Полянке в наемном доме было открыто убежище св. Марии Магдалины, где находились преимущественно несовершеннолетние молодые девушки [16: с. 166]. К основным целям данного заведения относилось не только улучшение нравственного облика «насельниц», но и обучение ремеслам, которые позволили бы им к моменту выхода из него вернуться к нормальной жизни: обучение грамоте, шитью, вязанию, стирка осуществлялось под руководством надзирательницы. О важности подобных мер свидетельствует крик души одной из девушек, вступившей на путь проституции и не знающей как вырваться из него: «Я не знаю никакого ремесла, я не видала ни одного порядочного человека» [12: с. 34].

Среди первых учредителей убежища были княгиня О.А. Голицына, сестра А.А. Васильчиковой, епископ Дмитровский Леонид и баронесса Е.К. Цейлерт. Крупные пожертвования сделали известные меценаты К.Т. Солдатенков, И.В. Щукин, С.М. Третьяков.

В приют принимались девушки преимущественно до двадцатипятилетнего возраста, а минимальный срок пребывания составлял три года. Как и во всех подобных случаях девиаций (алкоголизм, наркомания), первый год пребывания был самым тяжелым и отмечался побегами из учреждения. Спустя три года пребывания в приюте, девушка получала небольшую награду в размере от 15 до 25 рублей. Многим удавалось вернуться к нормальной жизни, некоторым — устроиться сиделками в московские больницы.

Конечно, все это было каплей в море. Первая мировая война вовлекла в проституцию тысячи женщин, вынужденных бежать из оккупированных и прифронтовых территорий. Нищета и голод доводили людей до отчаяния; резко увеличилась детская и подростковая проституция. Изменился сексуальный и моральный климат. Современник считал, что «женщины, преимущественно молодые, и, к сожалению, гимназисточки, очень и очень скверно показали себя в эту войну. В деревнях мало осталось цветущих мужчин, и они рады (девушки) “каждому встречному и поперечному” и атакуют его толпой. Ревность! Драки! Ссоры! Царят у нас в деревнях. А сколько у нас появилось маленьких австрияков от женщин, поддающихся соблазну австрийцев. Эти мерзавцы пользуются отсутствием мужей, отцов и братьев. Солдаты, приезжающие из отпуска, жалуются на своих девушек и жен. “Жаль, — говорит, — что я не взял бомбы, я бы их разогнал”» [5: с. 198–199].

Унизительный и на тот момент уже архаичный режим государственной регламентации, напоминавший меры античных рабовладельческих полисов, постепенно стал вызывать все больше протестов как среди общественных деятелей, так и в сообществе медицинских работников, тем более что со временем стало ясно: «проститутки домов терпимости отнюдь не представляют меньше опасности для заражения сифилисом, чем тайные». Однако несмотря на различные собрания и съезды активистов, феминисток, обществ в защиту женщин, регламентация проституции была отменена только после падения царской власти. . . Конечно, сама проституция никуда не исчезла, но вновь в очередной раз ушла в подполье, пытаясь выжить в борьбе с карательными органами [3; 15].

Однако обсуждение этого вопроса выходит за формат настоящей статьи. Отметим лишь то, что сегодня данное явление вновь получило широкое распространение: девиация во всех сферах общественной жизни вовлекла в свои сети как женщин, так и мужчин.

Вернемся, однако, к нашему первому тезису о идеологической нагруженности понятия «проституция» и подкрепим его словами великого В.В. Розанова: «“Разврат” есть слово, которому нет соответствующего предмета. Им обозначена груда явлений, которых человечество не могло понять. В дурной час ему приснился дурной сон... будто все эти явления... суть уже скрывающиеся. И оно занесло их сюда, без дальнейших счетов и всякого разумения» [14: с. 282]. Не потому ли проституция как социальное явление изменчиво, поскольку изменению подвержено само общество?

Литература

1. *Бирюков Б.В.* Социально-идеологические аспекты торможения науки в тоталитарном социуме // Вестник Международного славянского университета / Под ред. Н.В. Смирнова, Б.В. Бирюкова и др. М.: МСУ, 1997. С. 44–50.
2. *Блох И.* История проституции. СПб.: РИД, АСТ, 1994. 544 с.
3. *Болтаевский А.А.* Борьба за нравственность в городской среде: исторический опыт Российской империи и СССР // Урбанистика. 2014. № 1. С. 10–18.
4. *Васильев Н.А.* Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры в историографической литературе и истории философии в связи с теорией истощения народов и человечества // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Т. 3. Вып. 2–3. Казань: Б. и., 1921. С. 129–222.
5. «Господи, скоро ли кончатся наши муки»: дневники прапорщика К.В. Аханьева // Первая мировая: взгляд из окопа / Предисловие, составление и комментарии К.А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор – история, 2014. С. 137–215.
6. *Гребер Д.* Об одной нравственной путанице // The Prime Russian Magazine. № 5 (26). Сентябрь / Октябрь. 2014. С. 83–91.
7. *Данилов М.В.* Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова, написанные им в 1771 году. М.: Типография С. Селивановского, 1842. 136 с.
8. История женщин на Западе. Т. 3: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. СПб.: Алетейя, 2008. 599 с.
9. *Кузнецов М.* Проституция и сифилис в России. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1871. 230 с.
10. *Олеарий.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1906. 582 с.
11. *Пелехова Ю.* Бордель в законе // Версия. Общероссийская газета. 17–23 февраля 2014. С. 5.
12. *Приклонский И.И.* Возвращение падших девушек к честной трудовой жизни и деятельность приюта св. Марии Магдалины в Москве. М.: б. и., 1900. 79 с.
13. *Прядко И.П.* Историческое воззрение Н.А. Васильева в контексте Серебряного века и в свете традиции восточно-христианской философии: дис. ... канд. культурологии. М.: Российский институт культурологии, 2004. 221 с.

14. *Розанов В.В.* Опавшие листья. Короб 2-й // *Розанов В.В.* Опавшие листья. Лирико-философские записки / Сост. и вступит. статья А.В. Гулыги. М.: Современник, 1992. С. 102–468.
15. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. 615 с.
16. Учреждение св. Марии Магдалины в Москве // Проституция и ее жертвы. М.: б.и., 1873. С. 150–180.
17. *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. 2-е изд. М.: Мысль, 1979. 367 с.
18. *Хрупкова А.Г., Колесов Д.В.* Мальчик, подросток, юноша. М.: Просвещение, 1982. 208 с.
19. *Шашков С.С.* Очерк истории русской женщины. СПб.: Изд-во Н.А. Шигина, 1871. 623 с.

Literatura

1. *Biryukov B.V.* Social'no-ideologicheskie aspekty' tormozheniya nauki v totalitarnom sociume // *Vestnik Mezhdunarodnogo slavyanskogo universiteta* / Pod red. N.V. Smirnova, B.V. Biryukova i dr. M.: MSU, 1997. S. 44–50.
2. *Blox I.* Istoriya prostitucii. SPb.: RID, AST, 1994. 544 s.
3. *Boltaevskij A.A.* Bor'ba za npravstvennost' v gorodskoj srede: istoricheskij opyt' Rossijskoj imperii i SSSR // *Urbanistika*. 2014. № 1. S. 10–18.
4. *Vasil'ev N.A.* Vopros o padenii Zapadnoj Rimskoj imperii i antichnoj kul'tury' v istoriograficheskoj literature i istorii filosofii v svyazi s teoriej istoshheniya narodov i chelovechestva // *Izvestiya obshhestva arxeologii, istorii i e'tnografii pri Kazanskom un-te*. T. 3. Vy'p. 2–3. Kazan': B. i., 1921. S. 129–222.
5. «Gospodi, skoro li konchatsya nashi muki»: dnevniki praporshhika K.V. Anan'eva // *Pervaya mirovaya: vzglyad iz okopa* / Predislovie, sostavlenie i kommentarii K.A. Paxalyuka. M.; SPb.: Nestor – istoriya, 2014. S. 137–215.
6. *Greber D.* Ob odnoj npravstvennoj putanice // *The Prime Russian Magazine*. № 5 (26). Sentyabr'/Oktyabr'. 2014. S. 83–91.
7. *Danilov M.V.* Zapiski artillerii majora Mixaila Vasil'evicha Danilova, napisanny'e im v 1771 godu. M.: Tipografiya S. Selivanovskogo, 1842. 136 s.
8. *Istoriya zhenshhin na Zapade*. T. 3: Paradoksy' e'poxi Vozrozhdeniya i Prosveshheniya. SPb.: Aletejya, 2008. 599 s.
9. *Kuznecov M.* Prostituciya i sifilis v Rossii. SPb.: Tipografiya V.S. Balasheva, 1871. 230 s.
10. *Olearij.* Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno. SPb.: Izd-vo A.S. Suvorina, 1906. 582 s.
11. *Pelexova Yu.* Bordel' v zakone // *Versiya*. Obshherossijskaya gazeta. 17–23 fevralya 2014. S. 5.
12. *Priklonskij I.I.* Vozvrashhenie padshix devushek k chestnoj trudovoj zhizni i deyat'nost' priyuta sv. Marii Magdaliny' v Moskve. M.: b. i., 1900. 79 s.
13. *Pryadko I.P.* Istoriosofskie vozzreniya N.A. Vasil'eva v kontekste Serebryanogo veka i v svete tradicii vostochno-xristianskoj filosofii: dis. ... kand. kul'turologii. M.: Rossijskij institut kul'turologii, 2004. 221 s.
14. *Roza'nov V.V.* Opavshie list'ya. Korob 2-j // *Roza'nov V.V.* Opavshie list'ya. Liriko-filosofskie zapiski / Sost. i vstupit. stat'ya A.V. Guly'gi. M.: Sovremennik, 1992. S. 102–468.

15. *Stajts R.* Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Feminizm, nигilizm i bol'shevizm 1860–1930. M.: ROSSPE'N, 2004. 615 s.
16. Uchrezhdenie sv. Marii Magdaliny' v Moskve // Prostituciya i ee zherty'. M.: b.i, 1873. S. 150–180.
17. *Xarchev A.G.* Brak i sem'ya v SSSR. 2-e izd. M.: My'sl', 1979. 367 s.
18. *Xripkova A.G., Kolesov D.V.* Mal'chik, podrostok, yunosha. M.: Prosveshhenie, 1982. 208 s.
19. *Shashkov S.S.* Oчерk istorii russoj zhenshhiny'. SPb.: Izd-vo N.A. Shigina, 1871. 623 s.

*A.A. Boltaevskiy,
I.P. Priadko*

Deseases of Urbanizm: Past and Present

This article assesses one of the oldest forms of deviation — prostitution. The article also analyzes its historical forms. In particular, it shows the relationship of family prostitution in a traditional society with ethical notions, concepts of duty, responsibility of lower classes before the authorities of society. The novelty of the approach is based on the analysis of diseases of civilization from the standpoint of social and cultural dynamics. A change in attitude to the deviation in the Ancient East, in the Middle Ages, in New time, in Russia is shown in the article.

Keywords: prostitution; deviation; diseases of civilization; social work; resocialization; anomie.